

534

Одна из безусловных патристических задач — освоение духовной культуры той земли, на которой всем нам Промыслом Божиим было суждено родиться. Среди гениев русской культуры, которые определяют и задают ощущение полноты связи с душой, сердцем народа, совершенным исклчительное место занимает Александр Сергеевич Пушкин.

Я прошел через отрицание величия Пушкина. Это была пора воцерковления, когда у новообращенных во Христе особенно силен дух максимализма, формализма и законничества. Внешним основанием для «отступничества» от Пушкина явились и известные греховные падения и немощи поэта, которые оттолкнули меня, исполненного тогда мнимовеличавого духа ложной праведности. Но привычка заглядывать в себя, слава Богу, привела даже не к мысли, а к мистическому ощущению пустоты, бреши в моем духовном и эстетическом движении к Истине. Все это всплывало периодически, однако, с очевидной регулярностью. И однажды я понял, что мне не хватает Пушкина. Та или иная оценка творчества и личности Пушкина является мерилом самого человека, его собственно-духовного состояния.

Если мы встанем на путь суда над личностью поэта — а именно такой ход прослеживается в ряде публикаций со стороны некоторой части духовенства, — тогда нам придется осудить царя и пророка Давида, а заодно и императора Константина, которые совершали в своей жизни смертные грехи. Нам могут возразить: но они калялись! А разве Пушкин не калялся? И не только перед

Однако нельзя сказать и обратное: мол, гениям все позволено. Нет. Не так. Заповеди Божии даны без оговорок: не блуди, не убий... — все это для всех без исключения, и каждый понесет тяготу от содеянного греха. Нес ее и Пушкин. Мы должны поставить вопрос: как удалась этому человеку, жизнь которого часто не соответствовала внешним

Священник Борис НИЧИПОРОВ

Пушкин и тайна Русской земли

Лит. Россия, 1999 — 5 февр. — с. 3

и внутренним признакам христианского благочестия, как удалось ему написать пророческие и богооткровенные произведения о России («Борис Годунов»), о тайне творчества («Моцарт и Сальери»)? Что позволило ему создавать временами даже суровые и аскетические фрески о душе человека? «Сказку о рыбаке и рыбке» — о гордости и смирении. «Пир во время чумы» — о богоотступничестве и богооставленности...

Ответ в том, что гений поэта созидался на невероятных, Богом данных дарованиях, на потрясающей, редчайшей способности откликаться на всякую Правду и Истину. Ему было нелегко жить с этой Правдой, страдать от этой Правды, смиряться перед этой Правдой, болеть этой Правдой. Ему приходилось часто оплакивать свою внутреннюю нечистоту и ложь как бы ввиду этой Правды. И когда поток прозрачного света озарял его душу, он не бежал и не лукавил — он плакал от стыда и раскаянья.

Вспомним знаменитую переписку Пушкина и Митрополита Филарета в 1828 году. В день своего рождения Пушкин написал:

*Дар напрасный,
дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
.....
Цели нет передо мною:
Сердце пусто; празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Митрополит Московский Филарет возразил поэту:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена....
.....
Вспомнись мне,
забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —*

*И соиздается Тобю
Сердце чисто, светел ум.*

Сокрушенный этим стихотворением, Пушкин пишет в ответ Митрополиту:

*В часы забав
иль праздной скуки,
Бывало, лире я мой
Вверял изнеженные звуки
Безумства,
лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки
слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

Понятно, что такая предельная обнаженность доставляла поэту по временам неимоверные страдания. А видение своих пороков рождало глубокое покаяние.

*И с отвращением читая
жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь,
и горько слезы лью,
Но строк печальных
не смываю.*

Любого человека, и тем паче Пушкина, нельзя понять, если мы не ощутим, не почувствуем, как он развивался, с чего начал и куда шел. Сказать только, что Пушкин противоречив, значит уйти от этого понимания, прикритаться фиговым листком ложного литературоведения. Мы знаем, часто почти физически ощущаем эту блестяще одаренную, уже вполне безбожную, вестернизированную, уже слегка духовно одичавшую лицейскую молодежь — друзей поэта. И надо понять Александра Сергеевича — сколько пришлось ему перелопатить душевной руды, чтобы, уйдя от раннего увлече-

ния революционными настроениями, в конце жизни написать: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка — копейка».

Но, кроме преодолений и препон, у А.С. Пушкина всегда был и тыл. Была Арина Родионовна, которая вымалывала своего любимчика. Была Псковщина. Он часто порывался купить Савкину Горку, поставить там дом и именно там работать. Кто был в Михайловском и видел это дивное место, видел, как Савкина «плывет» над всей округой, тот поймет, что Пушкин знал и нутром чуял Русскую землю...

Есть историческая и литературоведческая задача — выяснить, кто был прямым инициатором убийства поэта. Но духовно это не так уж принципиально. Важны две вещи. Пушкин сам знал и чувствовал врага, его обличье. Это были уже тогда нарождавшиеся «бесы» (по Ф.М. Достоевскому) — безбожие, потеря национального чувства, гордыня, распущенность, жажда крови и ненависть ко всему русскому и православному. С другой стороны — сам враг, видевший в Пушкине опасного и сильного оппонента, который мог сделать политическим трупом всякого — одной эпиграммой, одним четверостишием. Враг именно такого сорта всегда невероятно жесток и лицемерен. Будучи нецерковным человеком, Пушкин вел борьбу в открытую, с открытым забралом. Он имел предельную искренность, но не имел достаточного смирения, которое позволило бы ему настроиться на долгую, позиционную борьбу, борьбу видимых уступок, юродства и тайной, сокрытой от крикливого мира,

молитвенной и деятельной жертвы за Россию. В этом же смысле «сюжеты» судеб В.Шукшина и В.Высоцкого глубоко сопоставимы с трагической развязкой жизни А.С. Пушкина. Их предельно откровенные души «сгорели» в огне неравной борьбы с миром.

В предъюбилейные дни мы размышляем также и о нашем юношестве. Есть древнее при словье: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Не удастся сегодня создать школу-лицей в полноте, но и не надо подражать. Мы во многом ниже лицеистов: мы, в большинстве своем, не знаем древних языков и не читаем Овидия в подлиннике. Но мы намного умнее их исторически: ведь тем ребятам еще как бы только предстоит Сенатская площадь, а у нас за плечами такое, о чем мы лучше соборно помолчим и всплакнем. Нам можно и нужно стремиться к уровню образованности Лицея, но нам нечего или почти нечего занять у него в смысле нравственном. Надо раз и навсегда понять, что подлинными и цивилизованными гражданами мира могут стать только те юноши и девушки, которые проникнутся духовной Истиной и Правдой своей земли, почувствуют и узнают сердцем ее духовность. Можно быть коммерсантом, парикмахером, актером, врачом, но нельзя быть чужим на своей земле.

Недавно мы с детьми нашей приходской воскресной школы были на Псковщине, в Святогорском монастыре, служили панихиду на могиле Пушкина, молились за упокой его души, а потом читали стихи. И это уже никогда не забудется. Это — наше...

*В пылу восторгов
скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил
сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал,
и часто, утомленный,
Раскаляньем горя,
предчувствуя беды,
Я думал о тебе,
предел благословенный,
Вообразжал сии сады...*

5.2.99

Фрагмент памятника Пушкину в Болдине
Архитектор Н. КОМОВА

1999 год. ПУШКИНУ ДВА ВЕКА!

Пушкина любили декабристы, и Пушкина же любили и любят монархисты, торжественнейше отмечали его юбилей коммунисты в СССР и антикоммунисты в эмиграции. Меньше всех, мне кажется, его любят нынешние «демократы». Они или не собираются вовсе праздновать 200-летний юбилей, или собираются просто отделаться от него чем-то проходным и несерьезным. Такое впечатление от подготовки к празднику.

И все равно 1999-й — год Александра Сергеевича, и вся Россия это знает и сердцем понимает. Сколько бы ни старались нынешние демоны разрушения, Пушкин нами не забыт, он любим нами, мы понимаем, что он — солнце русской поэзии и, может быть, солнце нашей жизни. Его многие и многие слова стали крылатыми, его образы стали крылатыми, и сам он стал крылатым — не только имя его, но именно он сам — и ангельски помогает нам оставаться самими собой, несмотря ни на что.

Предлагаю вниманию читателей несколько стихотворений и статью из подготовленного к печати сборника «Венок Пушкину». На этот сборник, слава Богу, выделило деньги Правительство Москвы.

Геннадий ИВАНОВ,
составитель «Венка Пушкину»

Мария
АВВАКУМОВА

В ПУШКИНСКИЕ
ДНИ...

В Пушкинские дни
находит тоска:
все он сказал и так! —
не дотянешься.
Чувствуешь себя —
как доска
перед кораблем в океанище.

И все же твой путь
на этом пиру —
пушкинском! —
к Пушкину вырывать.
Цвети! лиственей!..
Не дадим топору
рощу поэзии вырубить.

Выбери курс, выдержи срок
и всякую мусорь пенную.
Выдержи путь!
И дай тебе Бог
строчку сказать
незабвенную.

4 июня 1996 г.

Иван БУРКИН
(США)

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Как-то раз
я был свидетелем
странного зрелища.
У стихотворения Пушкина
сидел господин
с рыжими бакенбардами
и, как гайки,
отвинчивал рифмы.
Еще один злоумышленник,
подумал я.

Петр КАТИН

В пору давнюю
первых итогов,
Поздних бдений
и гулких шагов
Я не видал,
что были — Набоков,
Ходасевич, Кузьмин,
Гумилев...

Но царя безраздельно
до срока,
Торжеством неподдельным
маня,
Музы Пушкина, Тютчева,
Блока —
Тем нежней опекали меня.

Алексей РЕШЕТОВ

Пушай себе шумная слава
Меня не задела крылом,
И я своей строчкой корявой
Пытался бороться со злом.

Пушай опускаются руки
И голову трудно поднять,
Но в черном предательстве
внуки
Не будут меня обвинять.

Пушай не могу веселиться
Без доброй бутылки вина,
Но Пушкин в глазах
не двоится
И Родина в сердце одна.